

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева
ул. Космонавтов, 2, Люберцы, 129366, Россия
E-mail: heritage@mtu-net.ru

КУЛЬТУРА И ПРОСТРАНСТВО: НООСФЕРА, ПНЕВМАТОСФЕРА И СЕМИОСФЕРА КАК БАЗИСНЫЕ КОНЦЕПТЫ

В контексте проблемы взаимоотношения культуры и пространства наиболее интересными и плодотворными представляются концепции ноосферы В. И. Вернадского и пневмосферы П. А. Флоренского, где провозглашался примат культуры и человеческой деятельности не только над ландшафтом, но и географической оболочкой в целом, и как результат – возникновение некоего единства, функционального «сплава» культуры и пространства, охватывающего планету. Концепция семиосферы Ю. М. Лотмана предполагает всеохватность семиотических процессов, зачастую когерентных в абсолютно несхожих культурах. Нам представляется перспективным наполнить термин «семиосфера» пространственным содержанием, подчеркнув повсеместность семиотических процессов, создающих многоуровневую семантическую сеть на земной поверхности.

Ключевые слова: культура, пространство, ноосфера, пневмосфера, семиосфера.

Реализуясь в пространстве, любая культура становится пространственным явлением, которое невозможно изучать без опоры на концепты ноосферы и пневмосферы, на которых строятся многие исследования взаимодействия человека и среды обитания, человечества и планеты (в области культурной географии, культурной антропологии, культурологии и т. п.).

Концепция *ноосферы* (от греч. *нус* – ум) была выработана В. И. Вернадским и Тейяр де Шарденом при участии Ле Руа. Вернадским и Шарденом было отмечено, что деятельность человека становится геологической силой, и особым фактором воздействия на окружающую среду является его мысль, направляющая эту деятельность. Под воздействием идей изменяются техногенные процессы и, как следствие, меняет свой облик оболочка Земли и, прежде всего, сфера живого вещества – биосфера. «Охваченная всецело живым веществом, биосфера увеличивает, по-видимому, в беспредельных размерах его геологическую силу, и, перерабатываемая научной мыслью *Homo sapiens*, переходит в свое новое состояние – ноосферу» [Вернадский, 1991. С. 25].

Ноосфера Шардена представляется более целостно, «чем все предшествующие по-

кровы, она действительно новый покров, “мыслящий пласт”, который, зародившись в конце третичного периода, разворачивается с тех пор над миром растений и животных – вне биосферы и над ней» [Тейяр де Шарден, 1992. С. 149]. По Шардену, ноосфера имеет «фундаментальную зернистость» и структурируется наличием нитей (волокон), которые сейчас мы бы определили как ядра и коммуникационные механизмы культуры, разворачивающиеся в пространстве.

В. И. Вернадский писал о том, что преобразование биосферы в ноосферу идет с помощью особого рода энергии – *энергии человеческой культуры* или культурной биогеохимической энергии [Вернадский, 1991. С. 126]. Она проявляется как геологическая сила, «материализуется» в изменении окружающей среды с помощью земледелия, скотоводства, промышленности.

Исследуя эволюцию биосферы в ноосферу, Вернадский неоднократно подчеркивал закономерность этого процесса. Он рассматривал историю культуры человечества, систему существовавших на протяжении веков культурных центров – Халдейское междуречье, долину Нила (Египет), доарийскую Северную Индию, Северный Китай – и подчеркивал многотысячелетний (но пе-

риодический, а не постоянный) характер связей между ними, обозначая, таким образом, единство и внутреннее разнообразие культурного пространства Земли с незапамятных времен. Ученый обращает особое внимание на «одновременное» (примерно в V–IV вв. до н. э.) движение религиозной и философской мысли, в результате которого «впервые идея *единства всего человечества*, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей <...> и стала двигателем жизни и быта народных масс или задачей государственных образований» [Там же. С. 37]. Позднее это свойство «синхронности» идей современный классик культурной антропологии Вяч. Вс. Иванов объяснит тем, что ноосфера «как бы включает в себя, хотя бы отчасти, свое будущее» [Иванов, 2004. С. 46], – матрицы еще не созданных творений культуры и еще не оформленных научных идей, которые имеют свойство воплощаться практически одновременно и независимо друг от друга в разных частях Земли. В этих рассуждениях Вяч. Вс. Иванов опирается на учение Карла Поппера, который включал в мир нашей культуры «как напечатанные произведения, сыгранные симфонии, доказанные теоремы, так и замыслы, которые не успели воплотиться в книги, теоремы, которые еще не доказаны, и симфонии, которые не только пока не исполнены, но и не существуют даже в нотной записи» [Там же. С. 46–47].

Развивая эту мысль, мы можем сказать, что *ноосфера обладает «географической памятью»*. К примеру, ландшафт средневековой Европы был преимущественно лесным; преобразуя среду своей жизнедеятельности, человек полностью изменил его, леса остались в виде небольших островков. Но лесной ландшафт продолжает присутствовать в сказках и фольклоре – в ментальности культуры, на определенном историческом этапе своего развития полностью трансформировавшей этот участок земной поверхности.

Вернадский не случайно определил науку основным агентом этого преобразования. Он писал о том, что «научно понять – значит установить явление в рамки научной реальности – космоса» [Вернадский, 1991. С. 38]. Своеобразная аллегоричность этого утверждения не мешает разглядеть в нем мысль, предвещающую современное знание и описывающую также процесс социальной

организации географического пространства, в котором осмысление пространства играет определяющую роль. Отвлеченная, абстрактная научная мысль, формировавшаяся в центрах мировой культуры, проявлялась уже как геологическая сила. Во времена Вернадского и Шардена уже сформировалась основная ментальная интенция по отношению к окружающему миру – «насилие над природой, понимаемое как преобразование и улучшение, стало элементом мировоззрения, характерного для индустриальной культуры XIX–XX веков, западно-христианского капиталистического общества. Культурный детерминизм перестал учитывать природный фактор, полагая его несущественным...» [Туровский, 1998. С. 17].

Возможно, создатели концепции ноосферы полагали с ее помощью скорректировать эти мировоззренческие позиции, ибо не трудно было предположить, во что выльется такая направленность человеческого разума при стремительном росте технических возможностей. В. И. Вернадский отмечал, что с ростом «энергии культуры» пропорционально возрастает и воздействие человека на среду обитания, вплоть до полной ее трансформации. В конце XX в. исследователями справедливо отмечается тот факт, что теперь «законы девственной биосферы выступают как предельный, частный случай: биосфера становится подсистемой планетарной цивилизации: мы переживаем очередной этап становления глобального феномена, который Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский называли ноосферой» [Назаретян, 1991. С. 155].

Рассматривая ноосферу как продукт в основном научной мысли, и Вернадский и Шарден мыслили ее в *аксиологическом ключе* – как некое благое изменение качества пространства, новую, более высокую степень его эволюции. Ручательством дальнейшего существования мировой цивилизации Вернадский полагал «сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, *противоречащей идее ноосферы, цели* (курсив наш. – О. Л.)» [Вернадский, 1991. С. 45]. Тем самым ноосфера подразумевалась как область примата не только науки, но и культуры, с ее ценностными установками. И разум в концепции «сферы разума» трактуется в расширитель-

ном ключе, как духовно-культурная деятельность в целом.

Современные исследователи полагают, что целесообразно развести понятия «ноосфера» (конкретно-историческое состояние сферы бытия человеческого сознания) и «Ноосфера» (некое идеальное, мыслимое в доступных человеку формах рефлексии). «Анализ работ В. И. Вернадского позволяет утверждать, что для него “ноосфера” есть состояние биосферы, которое связано с функционированием в ней разума, научной мысли цивилизованного человечества, а “Ноосфера” – есть некоторое будущее состояние космопланетарной системы (организованности), которое возникает в перспективе, когда человечество в той или иной мере сможет осуществить оптимизационные и гармонизационные процессы глобальной среды обитания человека» [Смирнов, 2000. С. 105]. Г. С. Смирнов вводит понятие «ужасной ноосферы» – «ноосфераты», – той, в которой мы живем.

Ценностные аспекты учения о ноосфере развивают преимущественно экологи. Они более чем представители других наук имеют дело с реальностью экологического кризиса, вызванного отсутствием ценностей в современном обществе, или, по крайней мере, их игнорированием при принятии экономических и политических решений, затрагивающих состояние окружающей среды: «Ноосфера – это сфера Разума и Нравственности, когда наиболее полно раскрываются существенные интересы человека – духовные и интеллектуальные, когда достигают высокой степени развития такие планетарные явления, как наука и культура» [Муравых, 1997. С. 117].

Между природой и культурой через деятельность человека происходит энергоинформационный обмен. Как показывает история последнего столетия, пусковой механизм и практически весь преобразовательный потенциал лежит в сфере идей, особенно если они превращены в идеологию – целенаправленные изменения ландшафта, такие как масштабное освоение целины, строительство БАМа, неосуществленная, но бывшая близкой к осуществлению, переброска сибирских рек, были идеями, директивно воплощавшимися в преобразование ландшафта. В Китае спрямление русел рек вызвало иссыхание рек и периодическое разрушительное действие мощных наводне-

ний. В массовых масштабах происходят перемещение и трансформация вещества – добыча руды, песка, щебня, строительство зданий и коммуникаций. Не меньшее воздействие на среду оказали не целенаправленные воздействия – применение оружия массового поражения (напалма, ядерных бомб), аварии на крупных промышленных объектах (Чернобыль, Бхопал и др.). Вернадский же, поскольку он разрабатывал эти идеи до овладения человечеством силами атома, полагал, что «энергия, доступная человечеству, не есть величина безграничная, так как она определяется размерами биосферы. Этим определяется и предел культурной биогеохимической энергии» [Вернадский, 1991. С. 131].

Вернадский верил, что «цивилизация “культурного человечества” <...> не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было» [Вернадский, 1991. С. 40]. Оставив в стороне рассуждения о том, что с открытием атомной энергии человечество получило возможность уничтожить не только себя, но и планету в целом, подчеркнем мысль В. И. Вернадского об укорененности человечества и, следовательно, культуры в оболочках Земли.

Со своей стороны отметим, что не меньше, чем прямые преобразования облика планеты, значимы изменения качественных характеристик ее пространства. В понятие ноосферы Вернадским были заложены возможности глубинного осознания процесса культуропространственного взаимодействия, которые сейчас развиваются в положении о том, что *существование культуры в географическом пространстве выражается не только в его освоении и обустройстве среды обитания, но также в его осмыслении и осмыслении своего места в нем.*

Рассматриваемый в контексте синергетической парадигмы этот процесс взаимодействия показывает «горизонтальную» *неоднородность ноосферогенеза*, которая «проявляется в наличии центров цивилизационных скачков (точек бифуркации, в терминах синергетики), в которых происходит переход в новое качество. Соответственно

ноосферогенез следует рассматривать как нелинейный синергетический процесс. Он носит пульсирующий характер, как во времени, так и в пространстве» [Шишин, 2003. С. 95].

С развитием ноосферогенеза меняются качественные характеристики самого пространства – оно «сжимается» и становится проницаемым по всем направлениям. Более того – оно становится осознанным не только сознанием отдельных личностей, но ментальностью человечества в той его части, которой доступны телевидение и интернет.

Этот один из важнейших аспектов учения о ноосфере, равно как и роль культуры в ноосферогенезе, еще не разработан в полной мере. По мнению М. Ю. Шишина, который попытался осмыслить эту проблему в рамках философии культуры в ее аксиологическом понимании, *культура* как система вечных ценностей *задает идеал ноосферного существования*. С точки зрения синергетической концепции «культура выполняет в отношении ноосферогенеза функцию целевой детерминации (детерминации будущим)» [Там же. С. 146] – она создает те образы, идеи, архетипы, которые впоследствии реализуются в пространстве, на земной поверхности. В этом отношении современные исследования сближают концепции ноосферы и пневмосферы.

Концепция *пневмосферы* как теория, встречающая к учению о ноосфере, была выдвинута Павлом Флоренским. Он определял пневмосферу как сферу высших духовно-нравственных ценностей. В ней накапливается и из нее транслируется духовный опыт человечества, который может воплощаться как в артефактах и текстах, так и в ландшафтах. В более поздних исследованиях уже более явно, чем в оригинальной концепции, прослеживается связь пневмосферы с географическим пространством через артефакты и символы – как проявление гармонии духа и косной материи. «Например, гармония воплощена в афинском Акрополе, храме Покрова-на-Нерли, идеал материнства – в иконе “Владимирской Богоматери”, “Сикстинской Мадонне” и так далее. В этой сфере духа, пневмосфере, <...> находятся не только высшие и вечные ценности, но и всеми признаваемые и, что особенно важно, практически “без перевода” постигаемые. Неважно, из какой страны приехал человек в Афины, не важно, на ка-

ком языке он говорит и каков его культурный уровень, – афинский Акрополь не оставит его равнодушным. И чем глубже художественное, философское, духовное и эстетическое восприятие у зрителя, тем больше он сможет проникнуть в глубину культурного объекта, тем большее число слоев и смыслов развернутся для него при постижении артефакта культуры» [Шишин, 2003. С. 138]. В свете теории кросскультурных коммуникаций интересен постулат отдельных культурных «реперов», «вех», не нуждающихся в интерпретации из-за их всеобщности. Обобщая, мы можем сказать, что пневмосфера выступает в роли эйдетического пространства, подразумевающего сплошность, универсальность и однородность, в то время как ноосфера при всеохватности подразумевает внутренне разнообразие, подобно биосфере и литосфере, что более приемлемо для нашего исследования.

Термин *семиосфера* был введен в научный оборот Ю. М. Лотманом по аналогии с «ноосферой» и «биосферой» В. И. Вернадского и под влиянием этих концепций [Лотман, 1997. С. 629–630]. По Лотману, семиосфера – это «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением» [Лотман, 1996. С. 4].

Но, в отличие от ноосферы, охватывающей всю географическую оболочку, семиосфера изначально ограничивалась пространством распространения одной доминирующей культуры и ее системы кодов: «Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее *данной культуре* (курсив наш. – О. Л.) семиотическое пространство. Это пространство мы определяем как *семиосферу*» [Лотман, 2000. С. 251]. Тем не менее в последующем развитии этот концепт начал рассматриваться как неотъемлемая часть иных концептуальных «сфер», при этом акцентировалась их всеохватность: «Знаки образуют тексты, тексты – культуру, культуры – семиосферу. <...> ...семиосфера – это культура всех культур и среда, обеспечивающая возможность их появления и существования» [Лотман, 2002. С. 20].

Вяч. Вс. Иванов в контексте культурной антропологии, с одной стороны, расширяет

ее значение, с другой – ограничивает сугубо языковыми проявлениями: «Семиосфера, являющаяся частью ноосферы и пневмато-сферы, включает в себя в настоящее время прежде всего естественный язык как наиболее емкую систему знаков и текстов, значительное число его специальных вариантов или ответвлений, речевых жаргонов, социальных и местных диалектов и жаргонов и языковых текстов, приспособленных для особых условий общения» [Иванов, 2004. С. 99–100].

На наш взгляд, если связать положения о семиосфере с реалиями географического пространства, осмысливаемого культурой, то становится очевидным, что субъективная разнородность его осмысления возникает не только из объективной разнородности географической оболочки как объекта такого осмысления, но и благодаря *неравномерности самого процесса этого осмысления*. Существует довольно много мест вне и даже внутри территориальных границ национальной культуры, незначимых для нее. Но какие-то города, реки, горные вершины оказываются своеобразными семантическими реперами для культуры, с ними связанной, обуславливая структуру созданной ею локальной и глобальной картины мира. По Лотману, «семиосфера отличается неоднородностью. Заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе и относятся друг к другу в спектре от полной взаимной переводимости до столь же полной взаимной непереводаемости» [Лотман, 2000. С. 252]. Неоднородность семиотического пространства имеет следствием *семиотическую неоднородность географического пространства*. Это выражается как в неравномерном распределении по земной поверхности значимых в культуре мест, так и в несовпадении в географическом пространстве узловых точек разных языков субкультур, входящих в единую семиосферу.

По мнению создателя этой концепции, «культура организует себя в форме определенного “пространства – времени” и вне такой организации существовать не может. Эта организация реализуется как семиосфера и одновременно с помощью семиосферы. Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации – разделяется на область объектов, нечто означающих, символизир-

ующих, на нечто указывающих, то есть имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя. При этом разные языки, заполняющие семиосферу – этого стоглазого Аргуса – выделяют во внележащей реальности различное. Проявляющаяся таким образом стереоскопическая картина присваивает себе право говорить от имени культуры в целом. Одновременно, при всем различии субструктур семиосферы, они организованы в общей системе координат: на временной оси – прошедшее, настоящее, будущее, на пространственной – внутреннее пространство, внешнее и граница между ними» [Лотман, 2000. С. 259]. Мы же отметим как одну из базовых качеств семиосферы ее *постоянную обновляемость в понятийном и смысловом контексте вмещающего ландшафта* – семиотическая неоднородность географического пространства выступает в качестве субъект-объектного фрейма культуры, провоцирующего определенное направление процесса семиозиса, отталкивающегося от «реперов» и «вех», заданных предыдущими этапами бытия культуры в данном конкретном пространстве.

По мнению В. В. Абашеева, исследователя семиотических процессов в культуре, «семиосфера адсорбирует характерные формы природного ландшафта, и любая их часть потенциально может войти в парадигматику текста. Место и культура не нейтральны относительно друг друга, они взаимодействуют, и в сферу этого взаимодействия попадает даже само природное начало места, его ландшафт. Он в такой же степени создание культуры, что и природы. И это верно даже в том случае, когда нет прямых антропогенных воздействий, физически изменивших природные формы ландшафта. <...> Культура не просто размещается в пространстве, а, семиотизируя, перестраивает его смысловым образом» [Абашеев, 2000. С. 35]. На наш взгляд, эта смысловая перестройка и есть *основа семиотической структуры ландшафта*, которая впоследствии структурирует ряд культурных процессов, связанных непосредственно или косвенно с восприятием пространства и созданием пространственно-культурных кодов. При взаимодействии с географическим пространством «обнажается важный принцип культурного мышления человека: реальное пространство становится

иконическим образом семиосферы – языком, на котором выражаются разнообразные внепространственные значения, а семиосфера, в свою очередь, преобразует реальный пространственный мир, окружающий человека, по своему образу и подобию» [Лотман, 2000. С. 320].

С другой стороны, семиосфера, даже в своих наиболее абстрактных реалиях по аналогии с географическим пространством имеет свои центры и периферии. Центрам семиосферы присущ более высокий уровень развития процессов семиозиса [Замятин, 2006. С. 91], на периферии он сходит на «нет». Эти центры могут представлять собой «центральные проблемы», разрабатываемые культурой в данный период времени практически повсеместно, или, напротив, могут иметь свою локализацию в географическом пространстве.

«Внепространственные значения» могут быть самого разного уровня абстракции – от чувственных до трансцендентных. В символе зашифровано то, что сложно выразить словами. Как писал Павел Флоренский, символ – это «такая реальность, которая больше себя самой» [Флоренский, 1988. С. 73], «нечто являющее собой то, что не есть он сам, больше его, и однако существенно через него объявляющееся» [Там же. С. 44].

На наш взгляд, концепции ноосферы, пневмосферы и семиосферы должны рассматриваться как теоретический базис современных разнонаправленных исследований культуры и пространства, поскольку они наиболее полно очерчивают круг проблем в этой области, постулируют феноменологическое единство ментальной и инструментальной человеческой деятельности и земной поверхности. Это единство позволяет рассматривать культуру как географическую реальность и географическое пространство, а ландшафт – как сферу культуры.

О. А. Lavrenova

CULTURE AND SPACE: NOOSPHERE, PNEUMATOSPHERE, SEMIOSPHERE THE BASIC CONCEPTS

In the context of the culture and space relationship the most interesting and fruitful are concepts of the Noosphere by Vladimir Vernadsky and Pneumatosphere by Paul Florensky, which proclaim primacy of culture and human activity not only over the landscape, but the geographical envelope as a whole, and as a result – the emergence of some cultural and spatial unity encompassing the planet. The concept of Semiosphere by Yuriy Lotman suggests inclusiveness of Semiotic processes, often coherent in completely dissimilar cultures. It seems promising to fill the term *Semiosphere* with spatial content, emphasizing the ubiquity of semiotic processes that create multi-level semantic network on the earth's surface.

Keywords: culture, space, noosphere, pneumatosphere, semiosphere.

Список литературы

- Абашиев В. В.* Пермь как текст. Пермь, 2000.
- Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
- Замятин Д. Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
- Иванов Вяч. Вс.* Наука о человеке. Введение в современную антропологию. М.: РГГУ, 2004.
- Лотман М.* Предварительные замечания // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 5–20.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000.
- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996.
- Лотман Ю. М.* Письма 1940–1993. М., 1997.
- Муравых А. И.* Философия экологической безопасности. М.: Изд-во Рос. акад. госслужбы, 1997.
- Назаретян А. П.* Интеллект во Вселенной. М.: Недра, 1991.
- Смирнов Г. С.* Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000.
- Тейяр де Шарден П.* Божественная среда. М.: Ренессанс СП, ИВО-СиД, 1992.
- Туровский Р. Ф.* Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.
- Флоренский П. А.* Именславие как философская предпосылка. Об имени Божиим // *Studia Slavica Hung.* 34/1–4. Budapest, 1988. С. 40–75.
- Шишин М. Ю.* Ноосфера, культура, культурный ландшафт. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.

Материал поступил в редколлегию 08.12.2009